

ПРАВДА
г. Москва

11 НОЯ 1986

ГОЛОС

Размышления об одной артистической судьбе

Искали певицу. Вокальный цикл «Ночь в Мемфисе» на стихи древнеегипетских поэтов в переводе А. Ахматовой написан для большого симфонического оркестра и редко встречающегося низкого женского голоса — контральто.

С 1968 года, когда было создано произведение, его автор — композитор С. Губайдулина надеялась, что, быть может, все-таки появится та, которой по силам это труднейшее сочинение. В Европе оно уже звучало, у нас предложить его было некому...

СОПОСТАВЛЯЮ даты. Получается, что в ту пору, когда стали ждать певицу, Лине Мкртчян исполнилось всего 13 лет. Она жила в Одессе с дедом и бабушкой. Рядом дышало море, такое созвучное ее внутреннему миру, переполненному музыкой и стихами. Стихи она писала сама. А музыка? Ноты ей никто не показывал, и Лина пела все, что слышала по радио. С пяти лет заходила опера от начала до конца, мужские и женские партии, время от времени устраивала концерты прямо во дворе. Сбегалась детвора, из окон, как с галерки, следили за происходящим соседи.

Когда подросла, дворовые подмостки сменились эстрадой, пела в джазе. Как-то приехала на несколько дней в Москву, и ее джазовые импровизации случайно услышала П. Троиная — доцент вокальной кафедры Гнесинского института. «Отсюда ты никуда не поедешь», — сказала она настойчиво и строго. — Останешься у меня. Тебе нужно учиться, ты будешь настоящей классической певицей».

Раздумывая над этой случайной встречей, ставшей, как говорится, поворотом в судьбе, невольно проникаешься чувством признательности к преподавателю вокала. Речь идет не о том, что «улыбалась и рекомендовала». Полина Львовна взяла на себя ответственность за профессиональное становление музыканта. Не менее тяжкий груз — воспитывать совершенно чужую девочку, у которой никого не было в Москве.

Через два года эта чудесная женщина умерла. После всего случившегося Лина не только петь, говорить не могла. Друзья настаивали: «Ты должна петь ради светлой памяти своего учителя».

...Когда я впервые услышала ее голос, было ощущение открытости, просветления, какого-то духовного взлета. Не могу причислить себя к тонким знатокам вокала, но и к неискушенным — тоже. В случае с Линой Мкртчян не возникало никаких аналогий. Все как в первый раз, и даже то, что было на слуху — «Благославляю вас, леса...», «Кабы знала я...», «Парус», — в ее исполнении обретало особую рельефность. Так, подынявшись на вершину, иначе видишь даже привычный пейзаж.

Спустя несколько лет после смерти Полины Львовны Лина пришла в Московскую консерваторию. Семестр давно начался, но все-таки устроили прослушивание. И сразу же зачислили. Проучилась только год: тяжело заболела. Институт гематологии,

операции одна за другой. Врачи уже ни на что не наделись. Каким-то чудом выжила, но ей сказали: «Увы, петь не сможете».

Но тут снова проблеск света: Анна Матвеевна Гинзберг, концертмейстер, которая работала вместе с Полиной Львовной, заставила заниматься. По минуте в день, потом по две, по пять... Медленно, очень медленно выходила Лина из небытия. А через какое-то время, когда объявили прослушивание в Московской филармонии, решила попытать счастья. Случай в общем-то редкий — без диплома, даже не студентка. Ее взяли в филармонию, правда, без ставки. Потом она все-таки закончила театральный вуз.

«Феноменальный голос», — отметила известная певица Рузана Павловна Лисициан. — Контральто красивого тембра, округлый звук. Музыкальна. И чрезвычайно богата духовно, отсюда поразительное проникновение в композиторский замысел».

УЖЕ несколько дней мы общаемся с Линой. В ее непритязательном жилище (очередной снимаемый угол) — книги, пластинки, репродукции с картин, собственные рисунки: огромные выразительные глаза с каким-то настороженным ожиданием глядят с портретов. Она сама составляет свой программы. В них — более трехсот произведений западных, русских и советских авторов. Циклы на стихи Пушкина, Лермонтова и рядом — тема Испании в творчестве самых разных композиторов. Как мечта, как греза — «венки» старинных русских романсов с двумя гитаристами. Но где же взять сопровождение? Она поет то, что не исполняет никто: «Стабат матер» Вивальди, например, или 3-ю симфонию Г. Малера. В ее репертуаре — огромный пласт малоизвестной музыки.

После ГИТИСа так и не удалось пристыть к какому-то берегу. Даже при поддержке певицы со стороны руководства Союза композиторов пристроиться где-то в Москве не удалось. Попыталась работать в Калужской, а потом в Ярославской филармонии. Концертов почти не давали. Оказывается, в артистическом мире столько рифов и подводных течений, что нужно уметь лавировать, идти на компромиссы. «Вот этого мне не дано», — говорит она. — Многих почему-то раздражает, что в жизни я не умею бороться. В тех редких концертах, которые бывают в Музее музыкальной культуры, в Союзе композиторов,

Доме ученых, во дворцах культуры, — пою как в последний раз».

Люди подходят после выступления, растроганно благодарят, пишут добрые письма. Насколько же тягостно месяцами ждать новой встречи со слушателями...

Композитор Владимир Рябов посетовал в разговоре:

— При незаурядном музыкальном даровании, великолепном голосе и внешних данных у Лины еще и очень высокий уровень общей культуры. Ей посильна работа с каким угодно материалом. Не могу понять, почему человек с набором таких сценических дарований у нас практически не у дел.

Иногда судьба ей улыбается. Художественный руководитель и главный дирижер симфонического оркестра Ярославской филармонии, «золотой» лауреат международного конкурса дирижеров в Лондоне Владимир Понькин вспоминает, как долго искал он контральто для 3-й симфонии Г. Малера, мучительно думал, кто из вокалистов возьмется за «Песни об умерших детях» того же композитора.

— Лина с жаром откликнулась на мое предложение. Эти сложнейшие произведения вокальной литературы подготовила в короткий срок. Все было выполнено безукоризненно. В ходе репетиций мы доводили только мельчайшие детали. А голос! Он звучит в трех октавах, от нижнего до верхнего «до», к тому же переход с одного регистра на другой совершенно неощутим. Редчайшее качество. И такая неустойчивая артистическая судьба!

Пока только концерты не дают вынуть, ныкнуть этому голосу. Но даже те — от случая к случаю — выступления порой срываются. Надо ли говорить, как обрадовались и дирижер и певица, когда появилась возможность показать «Песни об умерших детях» в Большом зале Московской консерватории.

Этого выступления ждали знатоки. Как прозвучит произведение, требующее от исполнителя высокой школы бельканто и, что еще более существенно, огромного человеческого опыта? Две недели висели афиши по Москве. Лина не верила глазам: «Неужели выйду на прославленную сцену?»

А за несколько дней до концерта... его отменили. В гостиницах не нашлось места для оркестрантов из Ярославля. Всего на одну ночь.

— Ну а что все-таки состоялось?

— До сих пор не могу понять, как телевидению удалось снять фильм с моим уча-

стием — «Не ветер, вея с высоты...». Это было как сон. В студии записали огромный материал, чуть ли не десять часов звучания: песни, романсы русских композиторов. Потом отобрали то, что легло на натурные съемки в селе Аксаково.

После премьеры на телевидение пошли письма: «В каком театре поет Л. Мкртчян?», «В каком городе?», «Где можно ее услышать?», «Спасибо за красоту и духовность», «Когда снова покажут фильм?» Такой оказалась власть шестнадцати минут экранного времени.

Между прочим, радио переписало звучавшие с экрана песни и романсы. Прошла передача, да вот досада: пленку размагнитили, в фонд она не попала, потому что там не хранят голоса нетитулованных. Фирма «Мелодия» тоже не записывает Л. Мкртчян: тут очередь даже для знаменитых.

Иной человек в подобной ситуации целиком замкнулся бы в себе, а она:

— Мне не дает покоя судьба одной певицы. Это Нонна Зубова из Ярославской филармонии. Когда я услышала ее, поняла, как много света может нести человеческий голос. На ее концерты ходила пешком, как идут паломники к святым местам... Недавно певица умерла. И если остались записи ее выступлений, то разве что любительские.

КОГДА новая инженерная идея с трудом пробивается к внедрению, когда отмахиваются от передового архитектурного решения и даже когда не исполняют произведения какого-то композитора, то все-таки остаются чертежи, проекты, партитуры. До чего же беззащитно перед чередой лет исполнительское искусство...

Ухожу от Лины, захватив с собой кассеты. Дома слушаю «Стабат матер» Вивальди, частушки Варвары из оперы Щедрина «Не только любовь», фрагменты из «Порги и Бесс» Гершвина. Интересно, как же звучит «Ночь в Мемфисе»?

Когда спустя 18 лет дождалась певицу для этого цикла, Геннадий Рождественский со своим оркестром готов был исполнить сочинение. За две недели Лина одолела вещь немислимой сложности. «Если бы вы знали, если бы могли представить, насколько это мое!» Но в последний момент что-то не заладилось с концертным залом. У дирижера были на очереди другие выступления, гастроли... Так они и не встретились.

Ближайший концерт Лины Мкртчян намечен на конец декабря. Если только не отменят, певица выйдет на сцену. Когда она поет, отступают ее собственная боль, усталость, мир наполняется поэзией. Только когда поет...

Н. МИШИНА.